В июне 2016 года «Вести» уже рассказывали о мальчике Сереже, который ослеп по вине местных докторов.

Напомним, в декабре 2012 года жительница краевого центра обратилась к врачу-офтальмологу Шевцовой по направлению детской краевой больницы. Медицинская помощь требовалась ее новорожденному сыну, которому поставили опасный диагноз – ретинопатия – риск тяжелого заболевания глаз. Мальчик мог полностью потерять зрение, за его здоровьем нужно было постоянно следить. Однако медик даже не стала осматривать ребенка, чтобы… не будить его. Она просто скопировала в карту старый диагноз. Малыша не поставили на диспансерное наблюдение, не назначили никаких препаратов. (Как выяснилось позднее, болезнь к тому времени требовала срочного оперативного вмешательства.) Когда мама Сережи в следующий раз пришла к врачу, уже другому, было поздно. Мальчик ослеп на оба глаза.

Следует напомнить еще об одном важном обстоятельстве: когда через 2,5 месяца после родов мальчика с мамой выписали из роддома, заведующая отделением сообщила, что им необходимо снова приехать в больницу в ближайший понедельник, потому что в начале недели возвращается с курсов повышения квалификации офтальмолог больницы, и он должен Сережу осмотреть. (В соответствии с Порядком оказания медицинской помощи детям при заболеваниях глаз, утвержденным приказом Минздрава России № 791н, офтальмологическому осмотру подлежат все недоношенные дети, рожденные при сроке беременности до 35 недель и массой тела менее 2 000 граммов. – ***Ред.***) Получается, что за 2,5 месяца сильно недоношенного ребенка ни разу не осмотрел окулист?

3 декабря вернувшаяся с курсов офтальмолог Табачинская на столе приемного отделения патологии родильного дома осмотрела малыша и на вопрос мамы мальчика о его зрении в грубой форме ответила, что разговаривать не будет, все будет в выписке. Выписку родители малыша получили только 9 декабря. (Что ж вы делали на этих курсах, госпожа Табачинская, если не смогли внятно рассказать родителям недоношенного ребенка о возможных последствиях его состояния. Или не увидели патологии, или курсы были не по детской офтальмологии? – ***Ред.***)

Как следует из вышеприведенного документа, первичный осмотр должен осуществляться в возрасте 4-х недель жизни, а при выявлении риска развития ретинопатии повторный осмотр проводится через две недели после первичного. Все эти

нормы были нарушены. Поэтому персональную ответственность, наверное, должны нести и врач Табачинская, и главный врач медучреждения, оставивший детей без специализированных специалистов?

Обратившись по направлению в детскую поликлинику, родители мальчика узнали, что осмотреть ребенка врач-офтальмолог сможет только по записи 26 декабря. В этот день они и встретились с офтальмологом Шевцовой, у которой были, по словам ее адвоката, «обстоятельства в виде отсутствия оборудования, усталости от ожидания и мамы, и малыша, а также огромной очереди к специалисту…».

По информации Следственного комитета, «для проверки качества оказания медицинской помощи в данном случае была проведена длительная и сложная комплексная судебно-медицинская экспертиза за пределами Камчатского края, в производстве которой участвовали эксперты различных специальностей. Экспертами и следствием установлен факт оказания медицинской услуги, не отвечающей требованиям безопасности здоровья пациента, что не позволило своевременно прервать патологический процесс и снизить риск развития осложнения имеющегося у ребенка заболевания». Уголовное дело было направлено в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения и передачи в суд.

На первом судебном заседании, где семья Сережи просила обязать врачей возместить расходы, связанные с лечением сына за пределами Камчатского края, и выплатить компенсацию морального вреда в пользу родителей и мальчика, представители минздрава отсутствовали, зато был представлен отзыв на иск, в котором чиновники от медицины полагали исковые требования необоснованными и не подлежащими удовлетворению.

Заместитель министра здравоохранения Камчатского края Марина Волкова заявила тогда СМИ, что «проведенные независимые экспертизы не выявили причинно-следственной связи между действиями врачей и возникшими последствиями». Разбор качества оказания медицинской помощи Сереже проводился одиннадцатью местными специалистами, которые в итоге пришли к единодушному мнению, что «… случай с данным ребенком непредотвратимый. Врач-офтальмолог в диагнозе после осмотра указал, что существует риск развития ретинопатии недоношенных, хотя общий вывод в отношении органов зрения ребенка – «здоров». Установить, были или нет нарушения на момент осмотра, не представляется возможным».

13 января 2016 года судья Науменко И. В., несмотря на имеющееся компетентное заключение хабаровской экспертной комиссии, решает, «что нравственные страдания истцов вследствие причинения вреда здоровью по поводу слепоты ребенка не находятся в прямой причинной связи с действиями сотрудников ГБУЗ «Камчатская краевая детская больница», в связи с чем оставляет без удовлетворения требования истцов о взыскании с ответчика расходов на лечение, компенсации морального вреда и судебных расходов».

Мама Сережи: «Вы знаете, дело здесь совсем не в сумме компенсации. Вы не представляете, через какой ад нам пришлось пройти. Я изучила вдоль и поперек нормативную документацию, а на каждом судебном заседании видела улыбку врача-офтальмолога, слышала ее циничные замечания, билась 2,5 года со Следственным комитетом, который отказывал нам в возбуждении уголовного дела… Даже удивительно, что они сделали это сейчас. Если бы не поддержка и помощь мужа, родных и друзей – сошла бы с ума!»

Как рассказывает мама Сережи, во время судебного заседания ей пеняли на то, что она хочет нанести финансовый ущерб детской краевой больнице, что в случае если суд примет решение удовлетворить иск, пострадает медперсонал больницы и кто-то останется без зарплаты, а больные дети без лекарств. «Но ведь халатность медперсонала, которая приводит к трагическим последствиям, должна получить заслуживающую оценку, и виновные должны понести наказание», – стояла на своем молодая женщина.

В апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Камчатского краевого суда значится: «Судебная коллегия приходит к выводу о наличии причинной связи между тяжкими последствиями в результате заболевания у ребенка в виде полной слепоты и установленными дефектами оказания медицинских услуг медицинским персоналом ответчика и, соответственно, об ошибочности изложенных в обжалуемом решении выводов суда об отсутствии такой связи. На основании изложенного, руководствуясь ст. 327.1, 328, 329, 330 ГПК РФ, судебная коллегия определила: «Решение Петропавловск-Камчатского городского суда от 13 января 2016 года отменить. Исковые требования истцов удовлетворить частично».

Ответчики выплатили пострадавшей стороне 9 миллионов рублей. Правда, это никак не помогло маленькому мальчику обрести зрение. Все действия врачей и детской краевой больницы, и детской поликлиники привели к тому, что Сережа ослеп. Потому что госпоже Табачинской в детской краевой больнице было недосуг разговаривать с его

родителями, а офтальмологу Шевцовой в детскую поликлинику принесли спящего младенца, который обязан был на приеме у врача бодрствовать.

9 февраля 2018 года состоялось очередное судебное заседание, на котором сторона обвинения все же доказала в суде, что «врач медицинского учреждения приступила к оказанию медицинской услуги, однако умышленно оказала медицинскую помощь, не отвечающую требованиям безопасности здоровья пациента, поскольку не осуществила установленную нормами и правилами диагностику, не применила комплекс диагностических мероприятий, установленных приказом Минздрава РФ, отказалась от производства надлежащего офтальмологического осмотра пациента, мотивировав отказ тем, что ребенок спит, не взяла ребенка на диспансерное наблюдение, не диагностировала развитие заболевания, соответственно не назначила необходимое лечение, выставила необоснованный диагноз, указав, что ребенок продолжает находиться в группе риска, тогда как на момент осмотра заболевание прогрессировало и протекало минимум в 3-й стадии. В феврале 2013 года другой врач-офтальмолог диагностировал у малыша 5 стадию ретинопатии – слепоту обоих глаз. Ребенок стал инвалидом в связи с полной утратой зрения».

Петропавловский городской суд, рассмотрев уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности здоровья потребителей, если они совершены в отношении услуг, предназначенных для детей в возрасте до шести лет), врача-офтальмолога Шевцову признал виновной. Санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет. Однако ей назначили наказание в виде штрафа в размере 200 тысяч рублей, но и от исполнения наказания женщина освобождена в связи с актом об амнистии (Постановление Государственной думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». П. 6. Прекратить находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовные дела о преступлениях, совершенных до дня вступления в силу настоящего Постановления).

Адвокат врача Оксана Шеремет, категорически не согласная с решением суда, сообщила тогда, что защита будет обжаловать нашумевший приговор. Она считает, что суд и следствие не учли важные детали. Стилистика речи адвоката сохранена: «Если у хирурга нет скальпеля, а у пациента острый аппендицит – врач должен зубами выгрызть аппендицит и держать рану руками, пока ткани не срастутся? – экспрессивно заявляла госпожа Шеремет. – Согласно обвинительному приговору, врач должна была разодрать своими руками глаза спящему ребенку и произвести осмотр. Судом не были услышаны показания подсудимой, а также других врачей-офтальмологов, которые говорили в судебном процессе о том, что без специального медицинского оборудования

– векорасширителей (которых не было в наличии у врача) открыть глаза спящему ребенку невозможно. А без налобного бинокулярного офтальмоскопа невозможно поставить диагноз, проще говоря, установить наличие ретинопатии у ребенка. Детская городская поликлиника не обеспечила врача специальным медицинским оборудованием. В связи с тем, что произвести осмотр глазного дна не представилось возможным, врач выдала направление маме пройти осмотр в консультативной поликлинике, где данное медицинское оборудование было в наличии. (Интересно, что делает врач-консультант в детской поликлинике, если там нет необходимого оборудования? Дает рекомендации посетить платную клинику? Или доктора не знают, что среди пациентов бывают и сложные случаи, которые требуют иного подхода? И почему при всех традиционно бодрых отчетах нашего минздрава о значительном улучшении материально-технической базы больниц и поликлиник кабинет офтальмолога не был оснащен необходимым оборудованием? – ***Ред.***)

Однако отец малыша по какой-то причине невнимательно ознакомился с направлением и вместо консультационной больницы он отправился в детскую консультационную, где ему сообщили, что офтальмолога нет на месте. Выяснить, кто из регистратуры тогда разговаривал с отцом, невозможно. Он никого не помнит, так как прошло шесть лет, и куда дел направление – тоже не помнит», – уточняет адвокат.

Понятно, что у адвоката такая работа – защита клиента всеми способами. Интересно, адвокат искренне уверена в отсутствии в действиях врача состава преступления? Ведь это же врач Шевцова, возможно, смогла бы помочь ребенку, будь она более профессиональной.

«В ходе разбирательства все клонилось к тому, что врач в любом случае была обязана разбудить ребенка и провести полноценный осмотр. Обстоятельства в виде отсутствия оборудования, усталости от ожидания и мамы, и малыша, а также огромной очереди к специалисту (в тот день ей предстояло принять еще 40 человек) во внимание приняты не были, – комментирует Оксана Шеремет. – Моя подзащитная – не боец, она обычный врач. Доктор не чувствовала себя виноватой, и абсолютно обоснованно, потому что поступала она абсолютно правильно. Тем не менее к документам в любом случае надо было относиться очень внимательно и всегда думать, что и где ты пишешь».

Хочется спросить, если бы у госпожи Шеремет не оказалось под рукой ручки, бумаги или нужного юридического справочника, она что, не смогла бы оказать юридическую помощь своей подзащитной, исходя из базовых своих знаний? Почему же тогда она оправдывает врача, который является специалистом в своей области и просто обязан

предвидеть результат своих действий или бездействия. А если бы это случилось с кем-то из близких Оксаны Шеремет, – по какую сторону баррикад встала бы эта защитница?

24 июля 2018 года судебная коллегия по уголовным делам Камчатского краевого суда, рассмотрев в числе прочих доказательств заключение экспертов от 24 мая 2017 года, в котором значилось, что «установленные дефекты оказания медицинской помощи не способствовали своевременной диагностике, эффективному и своевременному лечению патологического состояния ребенка, а также правильной тактике ведения пациента. Кроме этого, прямая причинно-следственная связь между несвоевременным, ненадлежащим выполнением диагностических и лечебных мероприятий и наступлением неблагоприятных последствий отсутствует, степень тяжести вреда здоровью не устанавливается. Согласно Методическим рекомендациям ФГБУ «РЦСМЭ» решила, что «исходя из исследованных материалов уголовного дела, в том числе и заключений экспертов, фактически Шевцовой вменяется непроведение осмотра ребенка в полном объеме, а именно: осмотра глазного дна, неправильное заполнение медицинской документации, неразъяснение местонахождения консультативной поликлиники, то есть отклонение от усредненных стандартов оказания медицинских услуг, что в целом является дефектом оказания медицинской помощи и не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние. Более того, органами предварительного расследования не принято во внимание, что субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, характеризуется прямым умыслом, то есть Шевцова должна была осознавать общественную опасность своих действий, предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желать их наступления. При таких обстоятельствах в действиях Шевцовой состав вышеуказанного преступления отсутствует, и она подлежит оправданию с признанием за ней права на реабилитацию».

Руководствуясь соответствующими статьями УПК РФ, судебная коллегия вынесла вердикт: «Приговор Петропавловск-Камчатского суда в отношении осужденной Шевцовой Галины Константиновны отменить. По предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ, Шевцову Галину Константиновну оправдать за отсутствием состава преступления…»

Справедливость торжествует? Как это может быть? Врач Шевцова не предвидела «неизбежность преступления»? Да нужен ли такой «специалист»?

Ребенок ослеп по причине некомпетентности врачей, больница выплатила большую

компенсацию родителям, и никто не виноват в случившемся? И где искать ответа на этот вопрос? В очередном суде?

Мы понимаем, что, затрагивая тему судов, рискуем тем самым в очередной раз проиграть какую-нибудь судебную тяжбу «о защите чести и достоинства».

К сожалению, о плохом суде, тем более о конкретных судьях, говорить в обществе не принято. Разговор о них или о конфронтации с судом может быть воспринят как некорректный выпад, а то и как оскорбление суда. Такое не поощряется. Тем не менее давайте все же уделим этой теме немного внимания, потому что у нас всегда есть вопросы, которые граждане не могут решить никаким иным способом, кроме как в судебном порядке. При этом не все понимают, что подвергают себя риску многочисленных нарушений процедур (за этим в судах никто особо не следит), вынесения незаконных, некомпетентных, неграмотных судебных решений на основе каких-то неясных доказательств и, в конце концов, злоупотребления полномочиями самих судей. Еще один важный момент не учитывают обращающиеся за правосудием – это возможность лгать в наших судах, чем беззастенчиво пользуются и виновные, и их защитники.

Судя по нашим постоянным встречам с людьми, которые считают, что суд поступил с ними несправедливо, определенная часть адвокатов активно работает именно по методике перекладывания всей ответственности за нарушения своих подзащитных на невиновные в этом стороны, постоянно и агрессивно лгут во всех судебных разбирательствах. И это, безусловно, компрометирует суд как власть. Судья может «не замечать» доказательства, подтверждающие вину стороны по делу, и благодаря этому подходу становится на сторону обвиняемого. Ст. 17 ч. 1 УПК гласит: «Судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Вот только понятия «внутренние убеждения» и «совесть» не определены в УПК РФ.

В материалах дела мальчика Сережи есть пояснения его родителей, что «врачи не предупредили, что спасать зрение ребенка нужно в течение двух месяцев со дня рождения. Делать операции, когда этот срок пропущен, не имеет смысла». Эти слова подтверждает врач-офтальмолог Сорокин: «При помощи обычного офтальмоскопа провести качественное обследование затруднительно. Осмотр мальчика должен был проводиться под наркозом. При обнаружении каких-либо изменений необходимо отправить ребенка на более тщательный осмотр. Врач Шевцова провела осмотр

частично». Специалист Дубко, допрошенный в судебном заседании: «Если бы Шевцова качественно произвела осмотр, в том числе с приглашением более опытных специалистов, можно было провести стандартное лечение лазером, и зрение ребенка можно было спасти».

Какими «своими внутренними убеждениями, руководствуясь при этом законом и совестью», оценивала действия врача судебная коллегия в составе судьи А. Шлапак и О. Масловой под председательством судьи Е. Кириллова, объявившая оправдательный вердикт?

Наверное, права значительная доля наших сограждан, которая считает, что в России несправедливое правосудие, что судьи убеждены в безнаказанности за незаконные решения, за ними нет надлежащего контроля. (Социологические опросы ясно указывают, что россияне неважно относятся к судам: 43 % считают, что судьи часто выносят несправедливые приговоры, 34 % оценивают деятельность судов отрицательно, и только 32 % – положительно. ФОМ, «Репутация судов и судей», 2017.)

Обжалование решений судей в вышестоящих инстанциях бесполезны, поскольку все инстанции не будут признавать незаконность решения из-за профессиональной солидарности.

Точно так же как признавать медиками свои ошибки считается среди их коллег величайшей глупостью. Тем более что само понятие «врачебная ошибка» – это вовсе не юридический и даже не медицинский термин. Он не закреплен ни в одном законе. Это просто обиходное выражение.

Другое дело – «корпоративная солидарность». Это когда погубившая или сделавшая инвалидом ребенка больница всеми своими административно-юридическими ресурсами противостоит убитой горем матери, со слюной на губах доказывая, что они сделали все, что смогли.

Да, в наши дни можно привести примеры, когда ошибки признаются – но лишь после решения суда. И даже выплачиваются компенсации. И медики даже извиняются – после того, как их признают виновными.

Но ведь отвечать за врачебные ошибки своих сотрудников должны не только клиники – рублем, но и сами горе-доктора – собственной профессией и свободой.

Только вот до скамьи подсудимых медиков доводят в пропорции 1 к 100.

Ни общественный резонанс, ни всеобщее порицание, ни убитые горем родители не являются для лиц в белых халатах чем-то значимым. Главное – бодренько и без потерь выскочить из очередной некрасивой истории. Тем более что зачастую в борьбу за «честь» врачей подключается не только ресурс конкретного медучреждения, где случилась трагедия, но и административный ресурс едва ли не целого региона.

Так и остается только на совести доктора, допустившего врачебную ошибку, результат его работы. Но с этим неудобством можно как-то жить…

Тем более что суд постановил…

30 июля 2018 года Президент России Владимир Путин подписал закон о введении нового вида дисциплинарного наказания судей – понижения в квалификационном классе. Провинился судья – теряет квалификацию. Станут ли от этого российские судьи более честными и добросовестными? – Большой вопрос, на который пока нет ответа.

Татьяна СТЕПАНОВА